Любовь в контексте фронтовой повседневности Великой Отечественной войны

Ларионов А.Э.

Статья посвящена проблематике любовных взаимоотношений и чувств между мужчинами и женщинами в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 г. На архивном и мемуарном материале рассмотрены наиболее типичные ситуации возникновения влюбленности во фронтовых условиях, их развитие; на основе достижений современной военно-исторической антропологии и истории повседневности проанализированы особенности и закономерности данной грани фронтового быта. Сделаны выводы о месте и роли любви не только в контексте фронтовой повседневности, но и в истории войны в целом.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, военная повседневность, любовь, нравственность, человеческие отношения, жизнь и смерть*

Article outlines the problem of love interaction and senses between men and women in Red Army during the Great Patriotic War 1941—1945. Based on archives and memoirs the most typical situations of amorousness beginning and its development in front conditions are presented. Specifics and regularity of this part of everyday front life have been analyzed due to modern military and historic anthropology and everyday life history. Conclusions referred to place and role of life not only in the context of front daily life but also in the context of war history on the whole have been made.

Key words: the Great Patriotic War, war daily life, love, morality, human interaction, life and death

Любовь и война... Казалось бы, что может быть противоположнее двух этих понятий, словно отрицающих друг друга. Однако в действительности, присматриваясь к фактам и эпизодам Великой Отечественной войны, анализируя мемуары и архивные документы, можно увидеть, что любовь, как и песня, постоянно присутствовала в повседневной жизни солдат и офицеров Красной Армии на протяжении всех четырех лет борьбы против нацистской Германии и ее союзников. В чем разгадка такого парадокса?

Давно и неоднократно отмечено, что война до необычайности обостряет человеческие чувства, переживания, эмоции. Кроме того, экстремальность и гибельность, точнее – патологичность войны для общества и личности порождали у участников боевых действий ответное и диаметрально противоположное стремление – хоть на какое-то время отгородиться от страшных реалий войны и смерти, воссоздать, пусть на краткий миг, уголок мирной жизни, противопоставить в собственном сознании и быту жизнь смерти и собственным поведением утвердить предопределенность победы первой над второй. Последний лейтмотив можно вообще рассматривать как константу всей повседневной жизни РККА в годы войны.

Любовь между мужчиной и женщиной есть именно ярчайшее проявление жизни, равно как и неразрывно связанное с нею стремление к продолжению рода. Потому-то, несмотря на ужасы войны

и угрозу смерти, находившей каждодневное подтверждение в массовой гибели людей, точнее, вопреки всему этому, любовь в действующей армии была закономерной и неотъемлемой частью фронтовой повседневности на всем протяжении Великой Отечественной войны, с первого до последнего ее дня.

Однако любовь – очень емкое слово, включающее в себя множество смысловых оттенков. Учитывая же, что за годы войны через действующую армию прошло около 34 млн. чел., в том числе порядка 800 тыс.женщин, и добавляя к этому контакты с гражданским населением, нетрудно прийти к самоочевидному выводу о необычайной многоликости любви в реальных условиях фронтовой повседневности. При этом нельзя забывать и о многообразии ситуаций, в которых возникала и проявлялась любовь.

В лесу прифронтовом [9]

Любовь как воспоминание и ожидание, как мечта или тоска, как последнее письмо перед смертным боем, из которого не чаяли выйти живым, как завещание другу навестить невесту после войны, как мимолетная, но необычайно сильная вспышка страсти при кратком знакомстве, как военно-полевой роман, имевший разные продолжения после войны... Можно продолжать перечисление до бесконечности и не исчерпать всего многообразия чувства.

Даже не пытаясь этого сделать, можно попробовать определить степень значимости любви в менталитете милитарного социума СССР 1941–1945 гг. Вопрос не составляет неразрешимой загадки. Достаточно обратиться к такому общедоступному материалу, как стихи и песни военных лет. Если применительно к вермахту стереотипом, запечатленным в кинохронике, является бравый ариец на танке с губной гармошкой, то относительно РККА это боец с гармонью или баяном на привале в окружении внимающих и подпевающих товарищей. Популярность таких песен, как «В лесу прифронтовом», «В землянке», «Темная ночь», «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца»), «Катюша», «Горит свечи огарочек» и т.п. была огромной со стороны солдат и офицеров Красной Армии. То же самое можно сказать, например, о стихах Константина Симонова «Жди меня» (позднее также положенных на музыку). Их с удовольствием слушали, переписывали, заучивали наизусть, иногда дополняли. Примечательно, что во всех упомянутых произведениях и многих, им подобных, так или иначе присутствует, а то и доминирует образ любимой девушки или женщины. Война же предстает не более чем внешним фоном, максимум – досадной помехой, которую необходимо устранить, чтобы соединиться с любимой. Даже вероятность смерти в таком контексте представала в ином ракурсе – как исполнение до конца своего долга перед любимым человеком. В этом случае можно

констатировать, как понятие любви приближалось к его христианской интерпретации: «Больше сея любви никто же имать, аще кто душу положит за други своя» (Ин. 15:13). Любовь приобретала значение бескорыстной жертвы, переходя в плоскость абсолютных идеалов метафизического характера и архетипического масштаба.

Безусловно, в повседневном фронтовом быту такое редко проговаривалось, излишняя пафосность вообще была чужда фронтовому поколению, что блестяще показала Е.С. Сенявская в своих работах, посвященных войнам России в XX столетии. Реальность могла быть и проще и грубее. Однако и об идеалах забывать нельзя.

Повседневную реальность отражают мемуары и архивные документы. Именно к ним мы ниже и обратимся. Однако вначале предпошлем несколько замечаний общего характера. Будучи на фронте, солдаты вспоминали родной дом, жен и детей, дожидающихся их возвращения невест:

Где елки осыпаются, Где елочки стоят,
Который год красавицы гуляют без ребят.
Зачем им зорьки ранние, коль парни на войне,
В Германии, в Германии, в далекой стороне.

Для других ярчайшей вспышкой врезалась в память случайная встреча с незнакомкой на дорогах войны, которая могла окончиться кратким, но горячим поцелуем, либо мимолетным романом с последующей неизбежной разлукой, часто навсегда. При этом влечение могло оказаться настолько сильным, что толкало людей на внешне безрассудные поступки. Характерный пример из своей фронтовой биографии приводит артиллерист Петр Демидов: «Неожиданно дивизион передислоцировался в село Хотын... Жалко было расставаться с полюбившейся мне Анютой. Сколько в Хотыне мы простоим, никто не знал, но мне вдруг захотелось увидеть свою хозяйку: я наскоро тогда простился с ней, сказав лишь несколько теплых слов. Стал продумывать, как и на чем съездить в Баратин? Машина исключалась. Велосипед!.. Вскоре я уже стучался в окно Анюты... Ночь пролетела как один час...Расставание было трогательным: оба понимали, что вряд ли увидимся когда-нибудь еще раз... » [2; с. 207—208]. Только представьте себе: офицер действующей армии, командир дивизиона реактивных минометов («катюш»), готовящегося к передислокации в связи с поставленной боевой задачей, в ночь один едет за несколько километров, предупредив об этом лишь ординарца и заместителя по боевой подготовке! В том случае, если бы он опоздал к общему сбору, ему бы грозил трибунал, но это его не пугало. Без сомнения, таких примеров было огромное количество, хоть и не все они заканчивались также благополучно, как этот.

Московский ополченец Владимир Шимкевич, переживший и смертельную опасность в боях на Московском направлении, и ужасы плена, как об одном из лучших моментов, с необычайной теплотой и нежностью вспоминает о мимолетной любви еще по пути на фронт в одном из подмосковных сел. Девушка обещала его ждать и просила вернуться живым... [6; с. 48].

Помимо таких мимолетно-случайных встреч достаточно распространенными были романы с женщинами-военнослужащими. Здесь, однако, наблюдалась такая ситуация, как заведомое неравенство различных категорий военнослужащих – и в силу их служебного статуса (и, соответственно, возможностей ухаживать за женщинами), и по причине многократно меньшего количества женщин в Красной Армии по сравнению с призванными на службу мужчинами. Хотя по обстоятельствам бывали и исключения. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях бывший командир штрафбата Михаил Сукнев: «Как назло, рядом в лесу встал из резерва на распределение батальон... СВЯЗИСТОК! Да каких: одна краше другой! Одесситы сразу ко мне, комиссара Калачева они избегали. Просят разрешить им пригласить в гости девчат-связисток, только на один вечер...

— Вам, товарищ комбат, приведем самую красивую! – предложил один...

— Одно главное условие: тишина и никаких излишних возлияний, товарищи! В полночь чтобы никого из связисток в расположении батальона не было. Мне же не положено быть при вашем бале-маскараде!

Сто благодарностей в мой адрес. Ночь прошла наполовину весело, но к утру все мирно-тихо. Даже наш «Смерш» этот бал прозевал, а комиссар Калачев, друг мой, промолчал» [5; с.153]. В этом случае мы вновь сталкиваемся с прямым нарушением устава, на этот раз коллективным и с фактическим попустительством комбата, который не мог не понимать, что ему грозит в случае разоблачения. Однако и тут мы можем посмотреть на ситуацию с другой стороны: жизнь оказывалась сильнее и войны, и армейских уставов.

Однако гораздо чаще отношения с женщинами, переходящие границы служебных, могли позволить себе офицеры старшего и высшего командного состава в звании от майора и выше. Даже для командиров батальонов фронтовой роман был чаще несбыточной мечтой, нежели реальной возможностью. Такие романы могли носить как скоротечный, так и длительный характер. В последнем случае в солдатском обиходе могло использоваться достаточно уничижительное выражение «походно-полевая жена» или сокращенно «ППЖ», особенно если офицер, «закрутивший любовь» с медсестрой или связисткой из штаба полка или дивизии, уже имел в тылу официальную семью. Также в солдатском грубоватом юморе, если штабную девушку награждали медалью «За боевые заслуги», то ее именовали «За половые заслуги».

Можно утверждать, что в массовом сознании солдат и офицеров действующей армии существовала пусть неписаная, но достаточно четкая градация любовных отношений. Если таковые возникали между неженатыми/незамужними мужчинами и женщинами, то воспринимались они обычно сочувственно, с оттенком доброго юмора, иногда – легкой зависти. В том же случае, когда офицер был уже женат, либо в действиях девушки усматривался корыстный расчет, то оттенок морального осуждения в оценках так или иначе присутствовал, хотя и необязательно высказывался вслух.

Впрочем, нередки в общей массе были случаи, когда девушка испытывала давление со стороны начальства, порой грозившее перейти в моральное, а то и в физическое насилие. Это вызывало резко негативную реакцию у большинства окружающих. Девушка, защищавшая свою честь, напротив, вызывала уважение, некоторые солдаты и офицеры, по мере сил и возможности, пытались защитить ее от посягательств и домогательств назойливых ухажеров [1; с. 87].

Вот рассказ участницы войны, женщины-снайпера Зинаиды Некрутовой-Котько об одном из эпизодов ее не боевой жизни на фронте: «Мы являемся в землянку, сидят 2 подполковника, стол накрыт по-царски... Сели, поели, пить не стали, встали, сказали спасибо и направились к выходу. Я первая. Тамару за руку. Нам преградили дорогу: «Так не пойдет, надо расплатиться». Какой стыд! Я говорю, что нечем нам расплачиваться, кроме своей чести, и плохо то, что вы свою офицерскую честь теряете, и я сейчас буду так кричать, что все часовые сбегутся. Нам открыли дверь и чуть не вышвырнули. А на следующий день, к нашей радости, нас выгнали в полк. А главное, в полку вернули мою снайперскую винтовку. Это был для меня праздник!» [4; с. 63].

Любовь, даже в мирной жизни, часто связана с разлуками и утратами. Что же тогда говорить о войне, где смерть более закономерна, чем жизнь. И чем сильнее были чувства любви, духовного и телесного единения между любимыми, тем острее и горше переживались расставания и гибель любимого человека. Свидетельство такой горестной, но возвышенной и светлой любви мы находим в дневниковых записях военной переводчицы Ленинградского фронта И. М. Дунаевской. Познакомившись и поженившись со своим мужем В. Грацианским еще до войны, она прожила наполненный счастьем год, а вскоре после начала войны молодого кандидата биологических наук Владимира

Грацианского, ополченца Ленинградского ополчения, убило на позициях под Ленинградом 16 сентября 1941 г.

«16 июля 1942 г. 16 сентября 1941г. Володи не стало. Я узнала об этом только 1 октября.

3 августа 1942 г. Сегодня, как и всегда, как каждый день – мысли о Володе, тоска по нему. Никак не могу и не смогу примириться. Люди так редко бывают яркими, а Володя был именно ярок, светел, не внешне, а внутренне: отсвет его души в моей не тускнеет.

20 августа 1942 г. Постоянно вспоминаю последнюю ночь с Володей в ОПАБ (Отдельный пулеметно-артиллерийский батальон) под открытым небом. Укрываемся его шинелью. Он шепчет: «Тихонько, Мышка моя! Тише, моя Ласочка!» Дождь, ноги засунуты в сшитый мною большой Володин вещмешок. Кругом крапива. Все намокло. И все-таки мы счастливы! Мы вместе!

16 сентября 1942 г. Сегодня – год со дня гибели Володи.

30 сентября 1942 г. Приснилось: у меня родился сынишка. ВОЛОДИН сын!

1 ноября 1942 г. Тошно жить без сердечной привязанности, но разменяться нет ни малейшей охоты. Память о Володе и теперь – самое дорогое.

21 ноября 1942 г. Мысли о Володе. Думая о Володе, я усилием воли и любви как бы возвращаю его к жизни, к жизни во мне, хотя его и нет со мной, моего единственного, любимого. Нет его и не будет... И опять слезы, которых тогда у меня не было... Как поверить?

5 декабря 1942 г. Мне очень одиноко и тоскливо. Володя! Милый, родной, любимый, радость моя, мое солнышко, моя жизнь...

19 декабря 1942 г. Володя, милый, родной, как поверить, что мы не в разлуке, что тебя нет!» [3; сс. 38, 42, 48, 52, 61, 77, 93, 103, 113].

Это лишь несколько отрывков из обширного дневника. Комментарии здесь, что называется, излишни, хочется лишь сказать, что под этими строками могли бы подписаться тысячи и миллионы тех, кто потерял в войну любимых. Но есть и еще один момент: эта верность памяти погибшего мужа, как ни парадоксально, вновь доказывает – любовь была сильнее и войны и смерти!

Как уже говорилось, война неизбежно обостряла мировосприятие. Но она же могла приводить и к его резкому изменению, когда человек совершал поступки, которые ему казались бы немыслимыми немного ранее. В плане любовных отношений это могло приводить не только к историям со счастливым концом, но и к настоящим драмам, в которые вольно или невольно оказывались втянутыми многие люди. Особенно такие случаи участились в конце войны, когда радость счастье одних оборачивалось слезами для других. Последнее относится к тем моментам, когда офицеры расторгали довоенные брачные узы ради своей «фронтовой любви». След таких драм сохранился в документах Главного Политического Управления Красной Армии.

Из писем в редакцию газеты «Красная звезда».

«От жены капитана Рыбинюка Николая Тимофеевича – Лидии Фомовны Рыбинюк – с. В.Гольяки, Корнинского р-на, Житомирской обл.

Уважаемый редактор!

Извините за беспокойство, которое собираюсь вам нанести. Но, уважаемый редактор, меня заставило роковое обстоятельство, которое попрошу читателей разделить со мной.

Жизнь свою я соединила с Рыбинюком Николаем в 1934 г. в феврале м-це. Жили благополучно и дружно. Имеем дочь 8 лет. Но настала война и жизнь нашу разъединила. Сколько горя, слез и нищеты пришлось перенести за это время; но получив от мужа и отца весточку с фронта, все это как будто забывалось. Росла надежда на будущее, и мы его, будущее, терпеливо ждали.

Так прошло 4 года. Мой муж и отец моей дочери сообщал нам о себе, о тех условиях, в которых, как он писал, находился. Мы, получив от него письмо, переживали, с трепетом следили за обстановкой, в которой он находился (так мы думали), мысленно и душой прося ему благополучия. Нас он также не забывал, писал письма, называя «своими», «дорогим для его жизни». Был даже случай, когда при первой возможности (так он говорил), — в 1943 г. осенью приехал нас проведать. В то время я с дочкой находилась в эвакуации в г. Саранске

(в/ч 18). Меня он называл своей женой, дочь также своею. После также писал, что в общем жизнь его зависит от нашего благополучия. Жил надеждой на окончание войны опять возвратиться в свою семью. Так писал муж жене и отец к дочери на протяжении 4-х лет.

Долгожданный День Победы над врагом человечества настал... Значит, настанет конец разлуки, да водворится благополучная и счастливая жизнь.

29 мая 1945 г. письмо от мужа. Какое счастье матери, когда она увидела дочку с радостной сияющей улыбкой, несущей письмо от отца, и какое горе, когда печальная тень покрыла лицо ребенка, который в полученном письме узнал, что отец для него не является отцом, а так, просто знакомым человеком, которого так легко забыть, как прошлогодний снег. Он сообщил, что, между прочим, он женат на очень любимой им женщине, за которую готов отдать свою жизнь, прося забыть о нем, «не поднимая никакого шума, забыть поскорее».

Интересно, что же в самом деле думал о своей семье он, находясь под градом пуль, или, может быть, война для него веселая экскурсия, во время которой есть время понравиться и влюбиться?

Да, мы ошиблись, мы думали, что он, как и все честные граждане, защищает отечество. И он, на протяжении 4-х лет войны, называл нас своими. Что же заставило его обманывать свою семью? Какую цель он преследовал?

Не думал ли он для несчастного случая или про всякий случай подготовить себе приют? Теперь, когда остался невредим и здоров, ему хочется «жить», забыв о своих близких, ибо теперь он без них обойдется.

Уважаемый редактор! Прошу не отказать в моей просьбе поместить в вашей газете этот возмутительный факт. Пусть читатели знают, какие есть еще мужья и отцы детям.

Копии его последних двух писем при сем прилагаю. Уважающая вас Л.Ф.Рыбинюк. В случае сомнения прошу сообщиться с Корнинским военкоматом, Житомирской обл.

Добрый день, Лидочка! Добрый день, родная дочь Таисочка!

Передаю вам обоим свой горячий привет и сообщаю, что пока жив, здоров, желаю тебе много, много счастья, а главное – здоровья.

Лидочка, родная, ты, конечно, меня прости за все, что я буду тебе писать, а я хочу написать вот о чем.

Конечно, когда мы были вместе, мы любили друг друга; я тебя уважал и еще сейчас уважаю. Но как это ни жаль, я должен все же признаться, рано или поздно, а именно: прошло много времени с тех пор, как началась Отечественная война; я тебе абсолютно ничего не писал, но сейчас я решил все же сказать правду. Будь тебе известно, и прошу не рассатриваться самой и быть спокойной, а именно: я не хочу больше, чтобы ты меня считала своим, так как я больше к тебе не вернусь и лишь по одной причине, а именно, что у меня имеется жена, которую я люблю сильнее всего на свете, за которую я все отдам, что у меня имеется, а также и она любит меня сильнее, чем ты. Поэтому я прошу больше за меня не волноваться и не беспокоиться, а главное – не мешать мне жить и не поднимать никакого шума. Лидочка, я на тебя не сержусь и не обижаюсь, но ты должна понять одно, что я больше с тобой жить не могу, что мы давно были вместе, полюбили друг друга, пользы в своих молодых летах друг другу принесли мало, и я был вынужден искать себе любимого человека, ибо к этому наталкивала сама жизнь. Далее, ты можешь спросить насчет дочери, то я должен сказать, что я не отказываюсь и все то, что будет с меня положено, я буду платить и больше все. Ты, конечно, можешь меня назвать сукиным сыном. Я с этим согласен, но я должен сказать тебе одно, прошу дать один ответ на это письмо и больше попрошу не писать мне и забыть меня быстрее. За грубости, конечно, меня прости, но это правда.

Желаю тебе счастья и здоровья. Больше писать тебе ничего не намерен и не собираюсь. Оставайся счастлива и здорова. Коля.

Письмо за 1-е мая 1945г.

Добрый день, Лидочка! Добрый день, родная дочь Таисочка.

Передаю вам, мои родные, самый горячий фронтовой привет и сообщаю вам, что я пока жив, здоров и невредим, желаю вам обоим, дорогие мои, хороших успехов в вашей тяжелой

жизни. Лидочка, меня удивило, почему долго нет от тебя письма. Какова этому причина?

Я, дорогая, нахожусь в Германии. Сегодня первое мая, но поверь, родная, как невесело, как хочется приехать к тебе и провести этот день с тобой вместе, вместе со своей родной дочерью. Но поверь, родная, что этот день скоро наступит, так как конец войны уже виден, и я приеду к вам и расскажу обо всем, что видел, что я пережил за эти годы войны.

Лидочка, пиши, родная, получила ли посылки, аттестат. Если все это получила, то прошу, сообщай. Теперь напиши, родная, получила ли справку или нет. Передай привет всем родным и знакомым.

Целую обоих крепко, крепко.
Любящий тебя твой Коля». [8; лл.116—119].

Война также высвечивала многие потаенные стороны человеческой души, которые у одних были светлыми, а у других – с изрядной червоточинкой. Это же касается и взаимоотношения с женщинами. Помимо возвышенного и уважительного отношения, либо даже страсти, встречались случаи откровенной распущенности, когда человек попирал элементарные нормы морали, рассчитывая, что «война все спишет». Об этом также свидетельствуют следующие документы из архивов, ранее не публиковавшиеся:

«28 МАРТА 1942 ГОДА СОВ. СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ РККА АРМЕЙСКОМУ
КОМИИССАРУ 1-го РАНГА тов. МЕХЛИСУ
ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Чрезвычайные происшествия

Комиссар 269обс 18гсд (49 армия) батальонный комиссар Канюк И.Е., рождения 1908 года, уроженец Полтавской области, используя свое служебное положение, принуждал к сожительству женщин. Канюк систематически пьянствовал в кругу женщин и растранжиривал красноармейский паек. В это грязное дело Канюк втянул командира батальона капитана Худовердова, секретаря партбюро политрука Бобкова, секретаря бюро ВЛКСМ политрука Мокрого и зам. политрука Манцуева.

В ноябре 1941 года в д.Чуприно Канюк в своей квартире поселил женщину, с которой пьянствовал и сожительствовал. Чтобы расположить ее к себе, он приказал зам. политрука Манцуеву выдавать ее семье красноармейский паек. В д.Михайловское Канюк жил с учительницей, которой по его приказанию выдавали красноармейский паек. В период дислокации батальона в поселке Полотняный Завод Канюк пытался изнасиловать девушку, дочь хозяина квартиры. Будучи в дер. Слободе, Канюк вместе с секретарем партийного бюро Бобковым взяли на складе продукты и водку, поехали в Полотняный Завод и там в кругу неизвестных женщин пьянствовали. В д. Карманово по причине отсутствия удобных квартир Канюк жил в утепленной машине. Вместе с ним в машине жила местная девушка. Канюк приказал завпродскладом выдавать родным этой девушки продукты без всякого ограничения. В г.Юхнове Канюк пытался принудить к сожительству 17-летнюю девушку. Канюк за морально-бытовое разложение и расхищение продуктов отстранен от занимаемой должности, исключен из партии и предан суду ВТ. Секретарь партбюро политрук Бобков и секретарь бюро ВЛКСМ политрук Мокрый за морально-бытовое разложение сняты с работы и привлечены к партийной ответственности.

Нач. политуправления Запфронта
Бригадный комиссар
/Макаров/» [7; лл.120—127].

Среди разнообразных случае бывали и откровенно курьезные, что видно даже из стиля документов. Вот характерный отрывок:

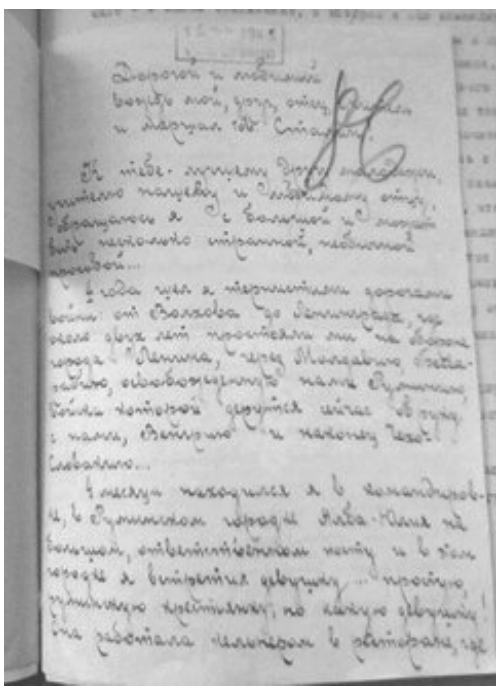
«Майор Шарыкин занимался ухаживанием за корректором редакции Виноградовой. В результате этого Виноградова в настоящее время находится на втором месяце беременности. Шарыкин и Виноградова в служебное время исчезали из редакции, отчего задерживалась корректура. Когда секретарь редакции Петров вызывал ее для объяснения причин ухода, она жаловалась Шарыкину. Шарыкин после этого вызывал Петрова и требовал прекращения придирок к Виноградовой. Помимо этого Шарыкин сеял склоку среди работников редакции, советовал некоторым «уходить из редакции пока не поздно, а то все равно сживут». В настоящее время майор Шарыкин освобожден от должности начальника отдела армейской жизни газеты и направлен в стрелковую часть, где и находится в данный момент» [7; л. 51].

Впрочем, среди архивных документов можно отыскать и те, которые свидетельствуют о подлинно высоких чувствах, являясь в буквальном смысле слова, «голосами великой эпохи», пусть их пафос и стилистика могут показаться нам не всегда понятными. Приведением подобного документа я закончу цитирование в рамках данной статьи:

«ДОРОГОЙ И ЛЮБИМЫЙ ВОЖДЬ МОЙ, ДРУГ, ОТЕЦ, УЧИТЕЛЬ И МАРШАЛ ТОВ. СТАЛИН!

К тебе – лучшему другу молодежи, учителю нашему и любимому отцу, обращаюсь я с большой и может быть, несколько странной, необычной просьбой...

4 года шел я тернистыми дорогами войны: от Волхова до Ленинграда, где около двух лет простояли мы на обороне города Ленина, через Молдавию, Бессарабию, освобожденную нами Румынию, войска которой дерутся сейчас рука об руку с нами, Венгрию и, наконец, Чехословакию...



Первая страница письма лейтенанта Владимира Германа И.В. Сталину. Фото А.Э. Ларионова

4 месяца находился я в командировке, в румынском городке Алба-Юлия на большом ответственном посту и в этом городке я встретил девушку... простую румынскую крестьянку, но какую девушку! Она работала кельнером в ресторане, где мы — офицеры — обедали.

Дочь румынских крестьян-бедняков, она работает в ресторане, чтобы поддержать скудное существование матери и сестренок, отца у нее нет.

Мы горячо, на веки полюбили друг друга, но я не знаю, возможно ли наше счастье после войны?

Могу ли я привезти свою любимую девушку, свой трофей за освобождение Румынии, к себе на Родину, в свою счастливую, родную Москву?

Мне 31 год, но от всего пережитого за эти 4 года, я стал почти весь седой...

Заслужил ли я свое право на счастье, на мирную, радостную жизнь? Да! Это право обрел я, изгоняя из Родины моей Сильвии фашистских гадов!!!

И я прошу, умоляю, мудрый, прекрасный, чуткий ко всему светлому великий друг мой товарищ Сталин разрешить мне – русскому, твоему офицеру – брак с девицей гор. Алба-Юлия Сильвией Компьяну!

Я знаю, ты занят великий, нежно-любимый! Но кто ближе, роднее тебя?

К кому, как не к твоему самому великому и самому чуткому сердцу обратиться мне со своей горячей просьбой?

Без этой девушки – не мила мне жизнь!

Этот брак будет мне лучшей наградой за все заслуги перед Родиной, будет моим дорогим, отвоеванным трофеем! Умоляю тебя о своем счастье!

Лейтенант – Владимир Герман.

P.S. Ответ прошу направить в адрес моей родной сестры Герман Людмилы Николаевны, по адресу: Москва 155, Малая Грузинская, д. №10, кв. 8. Сам лично нахожусь в Чехословакии гор. Братислава»

6.06.45 г. [8; л.84].

Все процитированные здесь документы приводятся не для того, чтобы кого-то целенаправленно осудить или опорочить, ревизовать историю Великой Отечественной войны, как это порой наблюдается

в работах некоторых авторов, либо отвлеченно морализировать и т.п. По моему глубокому убеждению, нам, потомкам и наследникам Победителей, фактически промотавшим дедовское наследие, вообще не дано права судить тех, кто сломал хребет самой страшной военно-политической машине в истории.

Просто, приводя подобные документы и факты, отрывки из нецензурированных воспоминаний, хотелось бы вновь обратить внимание читателей на то, сколь сложной и многоплановой, драматичной в самых разных плоскостях была фронтовая повседневность Великой Отечественной войны, как отразилась она на судьбах и душах тех, кто хоть как-то с нею соприкоснулся.

Очевидно, что фронтовая любовь была особой и одной из интимнейших граней всей военной повседневности 1941 — 1945 гг., наряду с миром внутренних переживаний и эмоций солдат великой войны.

Любовь на войне была многолика, как и вся военная повседневность, она словно искала малейшей возможности, чтобы выплеснуться наружу из измученных войной и смертью человеческих сердец – потому-то солдаты и офицеры решались на безрассудные поступки, которые подчас им очень дорого обходились. Фактически любовь во фронтовых условиях, где «до смерти четыре шага», олицетворяла собой полярную ей противоположность, как бы упраздняя смерть, доказывая ее бессилие и даже лишенность собственной сущности, отсутствие смерти в структуре бытия. Таким образом, можно сказать, что любовь, будучи объективной константой фронтовой повседневности, в этом своем качестве ориентировала людей на цели более высокие, нежели уничтожение врага в бою, на то, что лежало вне пределов войны и могло единственно служить ее оправданием. Ориентация на эти цели только и могла дать нашим солдатам и офицерам силы переломить ход войны и закончить ее в Берлине, пройдя через горечь разлук и утрат и окончательно утвердив торжество жизни.

Источники и литература

1. Глухов А. Записки полкового почтальона. СПб., 2005.
2. Демидов П.М. На службе у бога войны. В прицеле черный крест. М., 2007.
3. Дунаевская И.М. От Ленинграда до Кенигсберга. Дневник военной переводчицы 1942—1945 гг. М., 2010.
4. Некрутова-Котько З.К. Мой ослепительный миг. / Мухин Ю. По повестке и по призыву: некадровые солдаты Великой Отечественной. М., 2005.
5. Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. М., 2009.
6. Шимкевич В.Н. Судьба московского ополченца. М., 2008.
7. ЦАМО. Ф.32. Оп.11302. Д.87. Докладные записки и политдонесения фронтов о работе фронтовых газет и полевой почты.
8. ЦАМО. Ф.32. Оп.11302. Д.286. Письма и жалобы военнослужащих и переписка по ним.
9. http://ww2.pp.ru (дата обращения 31.01.2012 г.).